

РЭЙ БРЭДБЕРИ

МАРСИАНСКИЕ
ХРОНИКИ

RAY
Ray Bradbury

Рэй Брэдбери
Марсианские хроники

«ЭКСМО»

1950

Брэдбери Р. Д.

Марсианские хроники / Р. Д. Брэдбери — «Эксмо», 1950

ISBN 978-5-699-56863-5

Хотите покорить Марс, этот странный изменчивый мир, населенный загадочными, неуловимыми обитателями и не такой уж добрый к человеку? Дерзайте. Но только приготовьтесь в полной мере испить чашу сожалений и тоски – тоски по зеленой планете Земля, на которой навсегда останется ваше сердце. Цикл удивительных марсианских историй Рэя Брэдбери– классическое произведение, вошедшее в золотой фонд мировой литературы.

ISBN 978-5-699-56863-5

© Брэдбери Р. Д., 1950

© Эксмо, 1950

Содержание

Январь 1999. Ракетное лето	6
Февраль 1999. Илла	7
Август 1999. Летняя ночь	16
Август 1999. Земляне	18
Март 2000. Налогоплательщик	29
Апрель 2000. Третья экспедиция	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Рэй Брэдбери

Марсианские хроники

© Жданов Л., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Моей жене Маргарет с искренней любовью

*«Великое дело – способность удивляться, – сказал философ. –
Космические полеты снова сделали всех нас детьми».*

Январь 1999. Ракетное лето

Только что была огайская зима: двери заперты, окна закрыты, стекла незрячие от изморози, все крыши оторочены сосульками, дети мчатся с горок на лыжах, женщины в шубах черными медведицами бредут по гололедным улицам.

И вдруг могучая волна тепла прокатилась по городку, вал горячего воздуха захлестнул его, будто нечаянно оставили открытой дверь пекарни. Зной омывал дома, кусты, детей. Сосульки срывались с крыш, разбивались и таяли. Двери распахнулись. Окна раскрылись. Дети скинули свитера. Мамаши сбросили медвежье обличье. Снег испарился, и на газонах показалась прошлогодняя жухлая трава.

Ракетное лето. Из уст в уста с ветром из дома в открытый дом – два слова: *Ракетное лето.* Жаркий, как дыхание пустыни, воздух переиначивал морозные узоры на окнах, слизывал хрупкие кружева. Лыжи и санки вдруг стали не нужны. Снег, падавший на городок с холодного неба, превращался в горячий дождь, не долетев до земли.

Ракетное лето. Высунувшись с веранд под дробную капель, люди смотрели вверх на алеющее небо.

Ракета стояла на космодроме, испуская розовые клубы огня и печного жара. В стуже зимнего утра ракета творила лето каждым выдохом своих мощных дюз. Ракета делала погоду, и на короткий миг во всей округе воцарилось лето...

Февраль 1999. Илла

Они жили на планете Марс, в доме с хрустальными колоннами, на берегу высохшего моря, и по утрам можно было видеть, как миссис К ест золотые плоды, растущие из хрустальных стен, или наводит чистоту, рассыпая пригоршнями магнитную пыль, которую горячий ветер уносил вместе с сором. Под вечер, когда древнее море было недвижно и знойно, и винные деревья во дворе стояли в оцепенении, и старинный марсианский городок вдали весь уходил в себя, и никто не выходил на улицу, мистера К можно было видеть в его комнате, где он читал металлическую книгу, перебирая пальцами выпуклые иероглифы, точно струны арфы. И книга пела под его рукой, певучий голос древности повествовал о той поре, когда море алым туманом застило берега и древние шли на битву, вооруженные роями металлических шершней и электрических пауков.

Мистер и миссис К двадцать лет прожили на берегу мертвого моря, и их отцы и деды тоже жили в этом доме, который поворачивался, подобно цветку, вслед за солнцем, вот уже десять веков.

Мистер и миссис К были еще совсем не старые. У них была чистая, смуглая кожа настоящих марсиан, глаза желтые, как золотые монеты, тихие, мелодичные голоса. Прежде они любили писать картины химическим пламенем, любили плавать в каналах в то время года, когда винные деревья наполняли их зеленой влагой, а потом до рассвета разговаривать под голубыми светящимися портретами в комнате для бесед.

Теперь они уже не были счастливы.

В то утро миссис К, словно вылепленная из желтого воска, стояла между колоннами, прислушиваясь к зною бесплодных песков, устремленная куда-то вдаль.

Что-то должно было произойти. Она ждала.

Она смотрела на голубое марсианское небо так, словно оно могло вот-вот поднатужиться, сжаться и исторгнуть на песок сверкающее чудо.

Но все оставалось по-прежнему.

Истомившись ожиданием, она стала бродить между туманными колоннами. Из желобков в капителях заструился тихий дождь, охлаждая раскаленный воздух, глядя ее кожу. В жаркие дни это было все равно что войти в ручей. Прохладные струи посеребрили полы. Слышно было, как муж без усталости играет на своей книге; древние напевы не приедались его пальцам.

Она подумала без волнения: он бы мог когда-нибудь подарить и ей, как бывало прежде, столько же времени, обнимая ее, прикасаясь к ней, словно к маленькой арфе, как он прикасается к своим невозможным книгам.

Увы. Она покачала головой, отрешенно пожала плечами, чуть-чуть. Веки мягко прикрыли золотистые глаза. Брак даже молодых людей делает старыми, давно знакомыми...

Она опустила в кресло, которое тотчас само приняло форму ее фигуры. Она крепко, нервно зажмурилась.

И сон явился.

Смуглые пальцы вздрогнули, метнулись вверх, ловя воздух. Мгновение спустя она испуганно выпрямилась в кресле, прерывисто дыша.

Она быстро обвела комнату взглядом, точно надеясь кого-то увидеть. Разочарование: между колоннами было пусто.

В треугольной двери показался ее супруг.

– Ты звала меня? – раздраженно спросил он.

– Нет! – почти крикнула она.

– Мне почудилось, ты кричала.

– В самом деле? Я задремала и видела сон!

– Днем? Это с тобой не часто бывает.
Глаза ее говорили о том, что она ошеломлена сновидением.

– Странно, очень-очень странно, – пробормотала она. – Этот сон...
– Ну? – Ему не терпелось вернуться к книге.
– Мне снился мужчина.
– Мужчина?
– Высокий мужчина, шесть футов один дюйм.
– Что за нелепость: это же великан, урод.
– Почему-то, – она медленно подбирала слова, – он не казался уродом. Несмотря на высокий рост. И у него – ах, я знаю, тебе это покажется вздором, – у него были *голубые* глаза!
– Голубые глаза! – воскликнул мистер К. – О боги! Что тебе приснится в следующий раз? Ты еще скажешь – *черные* волосы?
– Как ты *угадал*?! – воскликнула она.
– Просто назвал наименее правдоподобный цвет, – сухо ответил он.
– Да, черные волосы! – крикнула она. – И очень белая кожа. *Совершенно* необычайный мужчина! На нем была странная одежда, и он спустился с неба и ласково говорил со мной.
Она улыбалась.
– С неба – какая чушь!
– Он прилетел в металлической машине, которая сверкала на солнце, – вспоминала миссис К. Она закрыла глаза, чтобы воссоздать видение. – Мне снилось небо, и что-то блеснуло, будто подброшенная в воздух монета, потом стало больше, больше и плавно опустилось на землю – это был длинный серебристый корабль, круглый чужой корабль. Потом сбоку отворилась дверь и вышел этот высокий мужчина.
– Работала бы побольше, тебе не снились бы такие дурацкие сны.
– А мне он понравился, – ответила она, откидываясь в кресле. – Никогда не подозревала, что у меня такое воображение. Черные волосы, голубые глаза, белая кожа! Какой странный мужчина – и, однако, очень красивый.
– Самовнушение.
– Ты недоброй. Я вовсе не придумала его намеренно, он сам явился мне, когда я задремала. Даже не похоже на сон. Так неожиданно, необычно... Он посмотрел на меня и сказал: «Я прилетел на этом корабле с третьей планеты. Меня зовут Натаниел Йорк...»
– Нелепое имя, – возразил супруг. – Таких вообще не бывает.
– Конечно, нелепое, ведь это был сон, – покорно согласилась она. – Еще он сказал: «Это первый полет через космос. Нас всего двое в корабле – я и мой друг Берт».
– *Еще одно* нелепое имя.
– Он сказал: «Мы из города на *Земле*, так называется наша планета», – продолжала миссис К. – Это его слова. Так и сказал – Земля. И говорил он не на нашем языке. Но я каким-то образом понимала его. В уме. Телепатия, очевидно.
Мистер К отвернулся. Ее голос остановил его.
– Илл! – тихо позвала она. – Ты никогда не задумывался... ну... *есть ли* люди на третьей планете?
– На третьей планете жизнь невозможна, – терпеливо разъяснил супруг. – Наши ученые установили, что в тамошней атмосфере слишком много кислорода.
– А как было бы чудесно, если бы там *жили* люди! И умели путешествовать через космос на каких-нибудь особенных кораблях.
– Вот что, Илла, ты отлично знаешь, я ненавижу эту сентиментальную болтовню. Займемся лучше делом.
Близился вечер, когда она, ступая между колоннами, источающими дождь, запела. Один и тот же мотив, снова и снова.

- Что это за песня? – рявкнул в конце концов супруг, проходя к огненному столу.
- Не знаю.

Она подняла на него глаза, удивляясь сама себе. Озадаченно поднесла ко рту руку. Солнце садилось, и, по мере того как дневной свет угасал, дом закрывался, будто огромный цветок. Между колоннами подул ветерок, на огненном столе жарко бурлило озерко серебристой лавы. Ветер перебирал кирпичные волосы миссис К, тихонько шепча ей на ухо. Она молча стояла, устремив затуманившийся взор золотистых глаз вдаль, на бледно-желтую гладь морского дна, словно вспоминая что-то.

Глазами тост произнеси,
И я отвечу взглядом, —

запела она тихо, медленно, нежно.

Иль край бокала поцелуй —
И мне вина не надо¹.

Миссис К повторила мелодию, уже без слов, закрыв глаза, и руки ее словно порхали по ветру. Наконец она умолкла.

Мелодия была прекрасна.

– Впервые слышу эту песню. Ты сама ее сочинила? – строго спросил он, испытующе глядя на нее.

– Нет. Да. Право, не знаю! – Она была в смятении. – Я даже не понимаю слов, это другой язык!

– Какой язык?

Она машинально бросала куски мяса в кипящую лаву.

– Не знаю. – Через мгновение мясо было готово, она извлекла его из огня и подала мужу на тарелке. – Ах, наверно, я просто придумала весь этот вздор, только и всего. Сама не понимаю почему.

Он ничего не сказал. Смотрел, как она погружает мясо в шипящую огненную лужицу. Солнце скрылось. Медленно-медленно вошла в комнату ночь, темным вином заполнила ее до потолка, поглотив колонны и их двоих. Лишь отблески серебристой лавы озаряли лица.

Она снова стала напевать странную песню.

Он вскочил со стула и гневно прошествовал к двери.

Позднее он доел ужин один.

Встав из-за стола, потянулся, поглядел на нее и, зевая, предложил:

– Съездим на огненных птицах в город, развлечемся?

– Ты *серьезно*? – спросила она. – Ты не заболел?

– А что тут странного?

– Но мы уже полгода нигде не были!

– По-моему, неплохая мысль.

– С чего это вдруг ты так заботлив?

– Ну, хватит, – брюзгливо бросил он. – Поедешь или нет?

Она посмотрела на седую пустыню. Две белые луны вышли из-за горизонта. Прохладная вода гладила пальцы ног. Легкая дрожь пробежала по ее телу. Больше всего ей хотелось остаться здесь, сидеть тихо, беззвучно, неподвижно, пока не свершится то, чего она ждала весь

---

¹ Стихотворение Бена Джонсона в переводе Я. Берлина.

день, то, что не должно было произойти и все же могло, могло случиться... Душа встрепенулась от нежного прикосновения песни.

– Я...

– Для тебя же лучше, – настаивал он. – Поехали.

– Я устала, – ответила она. – Как-нибудь в другой раз.

– Вот твой шарф. – Он подал ей флакон. – Мы уже который месяц никуда не выезжали.

– Если не считать твоих поездок в Кси-Сити два раза в неделю. – Она избегала глядеть на него.

– Дела, – сказал он.

– Дела? – прошептала она.

Из флакона брызнула жидкость, превратилась в голубую мглу и, трепеща, обвилась вокруг ее шеи.

На ровном прохладном песке, светясь, словно раскаленные угли, ожидали огненные птицы. Надуваемый ночным ветром, в воздухе плескался белый балдахин, множеством зеленых лент привязанный к птицам.

Илла легла под балдахин, и по приказу ее мужа пылающие птицы взметнулись к темному небу. Ленты натянулись, балдахин взмыл в воздух. Взвизгнув, ушли вниз пески; мимо, мимо потянулись голубые холмы, оттеснив назад их дом, колонны, источающие дождь, цветы в клетках, поющие книги, тихие ручейки на полу. Она не глядела на мужа. Ей было слышно, как он покрикивал на птиц, а те взвивались все выше, летя, словно тысячи каленых искр, словно багрово-желтый фейерверк, все дальше в небо, увлекая за собой сквозь ветер балдахин – трепещущий белый лепесток.

Она не смотрела на мелькающие внизу древние мертвые города, на дома – словно вырезанные из кости шахматы, не смотрела на древние каналы, наполненные пустотой и грезами. Над высохшими реками и сухими озерами пролетали они, будто лунный блик, будто горящий факел.

Она глядела только на небо.

Муж что-то сказал.

Она глядела на небо.

– Ты слышала, что я сказал?

– Что?

Он шумно выдохнул.

– Могла бы быть повнимательнее.

– Я задумалась.

– Никогда не знал, что ты такая любительница природы. Сегодня ты просто не отрываешь глаз от неба, – сказал он.

– Оно очень красиво.

– Я вот о чем подумал, – медленно продолжал супруг. – Не позвонить ли сегодня Халлу? Договориться, что мы приедем – на недельку, не больше! – к ним в Голубые горы. Чем не идея?..

– Голубые горы! – Она схватилась одной рукой за край балдахина и резко повернулась к нему.

– Я ведь только предлагаю.

– И когда ты думаешь ехать? – нервно спросила она.

– Да можно отправиться хоть завтра утром, – подчеркнуто небрежно бросил он. – Сама знаешь: раньше начнешь, скорее...

– Но мы еще *никогда* не уезжали так рано!

– Ну, в этом году в виде исключения... – Он улыбнулся. – Нам полезно переменить обстановку. Пожить в тиши, в покое. Словом, сама понимаешь. У тебя ведь нет *других* планов? Поедем, решено?

Она вздохнула, помедлила, потом ответила:

– Нет.

– Что? – Его возглас испугал птиц. Балдахин дернулся.

– Нет, – твердо сказала она. – Я не поеду.

Он посмотрел на нее. Разговор был окончен. Она отвернулась.

Птицы летели дальше – десять тысяч гонимых ветром угольков.

На рассвете солнце, пронизав лучами хрустальные колонны, растворило туман, на котором покоилась спящая Илла. Всю ночь она парила над полом, как бы плавая на мягком ложе из тумана, который пролился из стен, едва Илла прилегла. Всю ночь она проспала на этой недвижимой реке, точно челн среди немого потока. Теперь туман улетучивался, и наконец река спала, оставив Иллу на берегу пробуждения.

Она открыла глаза.

Над ней стоял муж. Было похоже, что он стоит тут, наблюдая, уже не один час. Почему-то Илла не могла смотреть ему в глаза.

– Тебе опять снился этот сон! – сказал он. – Ты разговаривала, не давала мне уснуть.

Тебе *непрерывно* надо показаться врачу.

– Ничего со мной не случится.

– Ты много говорила во сне!

– Да? – Она поспешно села.

В комнате было холодно. Серый утренний свет проявил черты Иллы.

– Что тебе снилось?

Она молчала, вспоминая.

– Корабль. Он снова спустился с неба, и из него вышел высокий человек и заговорил со мной. Он шутил, смеялся, и мне было хорошо.

Мистер К коснулся рукой колонны. Окутанные паром струйки теплой воды вытеснили холода из комнаты. Лицо мистера К было бесстрастно.

– А потом, – продолжала она, – этот мужчина, у которого такое странное имя – Натаниел Йорк, сказал, что я прекрасна, и... и поцеловал меня.

– Ха! – крикнул муж и отвернулся, играя желваками.

– Но это всего лишь сон. – Ей стало весело.

– Ну и помалкивай про свои нелепые женские сны!

– Ты ведешь себя как ребенок.

Она откинулась на последние клочья химического тумана. Мгновение спустя тихо рассмеялась.

– Я еще *что-то* вспомнила, – призналась она.

– Ну *что*, говори, что?! – вскричал муж.

– Илл, ты такой раздражительный!

– Говори! – потребовал он. – У тебя не должно быть секретов от меня!

На нее смотрело сверху его мрачное, суровое лицо.

– Я никогда не видела тебя таким, – ответила Илла; ей было и страшно, и забавно. – Ничего такого не было, просто этот Натаниел Йорк сказал... словом, он сказал мне, что увезет меня на своем корабле, увезет на небеса, возьмет меня с собой на свою планету. Конечно, чепуха.

– Вот именно, чепуха! – Он едва не сорвал голос. – Ты бы послушала себя со стороны: заигрывать с ним, разговаривать с ним, петь с ним, и так всю ночь напролет, о боги! *Послушала бы себя!*

– Илл!

– Когда он сядет? Где он опустится на своем проклятом корабле?

– Илл, не повышай голос.

– К черту мой голос! – Он в гневе наклонился над ней. – В этом твоём сне... – он стиснул ее запястье, – корабль сел в Зеленой долине, да? Отвечай!

– Ну, в долине...

– Сел сегодня, под вечер, да? – не унимался он.

– Да, да, кажется, так. Но это же только сон!

– Ладно. – Он сердито отбросил ее руку. – Хорошо, что ты не лжешь! Я слышал все, что ты говорила во сне, каждое слово. Ты сама назвала и долину, и время.

Тяжело дыша, он побрел между колоннами, будто ослепленный молнией. Постепенно его дыхание успокоилось. Она не отрывала от него глаз – уж не сошел ли он с ума?.. Наконец встала и подошла к нему.

– Илл, – прошептала она.

– Ничего, ничего...

– Ты болен.

– Нет. – Он устало, через силу улыбнулся. – Ребячество, только и всего. Прости меня, дорогая. – Он грубовато погладил ее. – Заработался. Извини. Я, пожалуй, пойду прилягу...

– Ты так вспылал.

– Теперь все прошло. Прошло. – Он перевел дух. – Забудем об этом. Да, я вчера слышал анекдот про Уэла, хотел тебе рассказать. Ты приготовишь завтрак, я расскажу анекдот, а об этом больше не будем говорить, ладно?

– Это был только сон.

– Разумеется. – Он машинально поцеловал ее в щеку. – Только сон.

В полдень солнце палило, и очертания гор струились в его лучах.

– Ты не поедешь в город? – спросила Илла.

– В город? – Его брови чуть поднялись.

– Ты *всегда* уезжаешь в этот день. – Она поправила цветочную клетку на подставке. Цветы зашевелились и раскрыли голодные желтые рты.

Он захлопнул книгу.

– Нет. Слишком жарко. И поздно.

– Вот как. – Она закончила свое дело и пошла к двери. – Я скоро вернусь.

– Постой! Ты куда?

Она была уже в дверях.

– К Пао. Она пригласила меня!

– Сегодня?

– Я ее сто лет не видела. Это же недалеко.

– В Зеленой долине, если не ошибаюсь?

– Ну да, тут рукой подать, и я решила...

Она очень торопилась.

– Извини меня, – сказал он, догоняя ее с видом крайней озабоченности. – Я совершенно забыл: я же пригласил к нам сегодня доктора Нлле!

– Доктора Нлле! – Она подалась к двери.

Он поймал ее за локоть и решительно втолкнул в комнату.

– Да.

– А как же Пао...

– Пао подождет, Илла. Мы должны принять Нлле.

– Я на несколько минут...

– Нет, Илла.

– Нет?

Он отрицательно качнул головой.

– Нет. К тому же до них очень далеко идти. Через всю Зеленую долину, за большой канал, потом вниз... И сегодня очень, очень жарко, и доктору Нлле будет приятно увидеть тебя. Хорошо?

Она не ответила. Ей хотелось вырваться и убежать. Хотелось кричать. Но она только сидела в кресле, словно пойманная в западню, и с окаменевшим лицом разглядывала свои пальцы, медленно шевеля ими.

– Илла, – буркнул он, – ты *останешься* дома, ясно?

– Да, – сказала она после долгого молчания. – Останусь.

– Весь день?

Ее голос звучал глухо:

– Весь день.

Шли часы, а доктор Нлле все не появлялся. Казалось, муж Иллы не очень-то удивлен этим. Уже под вечер он, пробормотав что-то, подошел к стенному шкафу и достал зловещее оружие – длинную желтоватую трубку с гармошкой мехов и спусковым крючком на конце. Он обернулся – на его лице была лишенная всякого выражения маска, вычеканенная из серебристого металла, маска, которую он всегда надевал, когда хотел скрыть свои чувства; маска, выпуклости и впадины которой в точности отвечали его худым щекам, подбородку, лбу. Поблескивая маской, он держал в руках свое грозное оружие и разглядывал его. Оно непрерывно жужжало – оружие, способное с визгом извергнуть полчища золотых пчел. Страшных золотых пчел, которые жалят, убивают своим ядом и падают замертво, будто семена на песок.

– Куда ты собрался? – спросила она.

– Что? – Он прислушивался к мехам, к зловещему жужжанию. – Раз доктор Нлле запаздывает, черта с два стану я его ждать. Пойду поохочусь. Скоро вернусь. А ты останешься здесь – и никуда отсюда, ясно? – Серебристая маска сверкнула.

– Да.

– И скажи доктору Нлле, что я приду. Только поохочусь.

Треугольная дверь затворилась. Его шаги удалились вниз по откосу.

Она смотрела, как муж уходит в солнечную даль, пока он не исчез. Потом вернулась к своим делам: наводить чистоту магнитной пылью, собирать свежие плоды с хрустальных стен. Она работала усердно и расторопно, но порой ею овладевала какая-то истома, и она ловила себя на том, что напевает эту странную, не идущую из ума песню и поглядывает на небо из-за хрустальных колонн.

Она затаила дыхание и замерла в ожидании.

Приближается...

Вот-вот это произойдет.

Бывают такие дни, когда слышишь приближение грозы, а кругом напряженная тишина, и вдруг едва ощутимо меняется давление – это дыхание непогоды, летящей над планетой, ее тень, порыв, марево. Воздух давит на уши, и ты натянут как струна в ожидании надвигающейся бури. Тебя охватывает дрожь. Небо в пятнах, небо цветное, тучи сгущаются, горы отливают металлом. Цветы в клетках тихонько вздыхают, предупреждая. Волосы чуть шевелятся на голове. Где-то в доме поют часы: «Время, время, время, время...» Тихо так, нежно, будто капающая на бархат вода.

И вдруг – гроза! Электрическая вспышка, и сверху непроницаемым заслоном рушатся всепоглощающие волны черного приобоя и громовой черноты.

Так было и теперь. Близилась буря, хотя небо было ясным. Назревала молния, хотя не было туч.

Илла бродила по комнатам притихшего летнего дома. В любой миг с неба может пасть молния, и будет раскат грома, клуб дыма, безмолвие, шаги на дорожке, стук в хрустальную дверь – и она *стрелой* метнется навстречу...

«Сумасшедшая Илла! – мысленно усмехнулась она. – Что за мысли будоражат твой праздный ум?»

И тут – свершилось.

Порыв жаркого воздуха, точно мимо пронеслось могучее пламя. Вихревой стремительный звук. В небе блеск, сверкание металла.

У Иллы вырвался крик.

Она побежала между колоннами, распахнула дверь. Она уставилась на горы. Но там уже ничего...

Хотела ринуться вниз по откосу, но спохватилась. Она обязана быть здесь, никуда не уходить. Доктор должен прийти с минуты на минуту, и муж рассердится, если она убежит.

Она остановилась в дверях, часто дыша, протянув вперед одну руку.

Попыталась рассмотреть что-нибудь там, где простерлась Зеленая долина, но ничего не увидела.

«Сумасшедшая! – Она вернулась в комнату. – Это все твоя фантазия. Ничего не было. Просто птица, листок, ветер или рыба в канале. Сядь. Приди в себя».

Она села.

Выстрел.

Ясный, отчетливый, зловещий звук.

Она содрогнулась.

Выстрел донесся издалека. Один. Далекое жужжание быстрых пчел. Один выстрел. А за ним второй, четкий, холодный, отдаленный.

Она опять вздрогнула и почему-то вскочила на ноги, крича, крича и не желая оборвать этот крик. Стремительно пробежала по комнатам к двери и снова распахнула ее.

Эхо стихало, уходя вдаль, вдаль...

Смолкло.

Несколько минут она простояла во дворе, бледная.

Наконец, медленно ступая, опустив голову, она побрела сквозь обрамленные колоннами покои, из одного в другой, руки ее машинально трогали вещи, губы дрожали; в сгущающемся мраке винной комнаты ей захотелось посидеть одной. Она ждала. Потом взяла янтарный бокал и стала тереть его уголком шарфа.

И вот издалека послышались шаги, хруст мелких камешков под ногами.

Она поднялась, встала в центре тихой комнаты. Бокал выпал из рук, разбился вдребезги.

Шаги нерешительно замедлились перед домом.

Заговорить? Воскликнуть: «Входи, входи же!»?

Она подалась вперед.

Вот шаги уже на крыльце. Рука повернула щеколду.

Она улыбнулась двери.

Дверь отворилась. Улыбка сбежала с ее лица.

Это был ее муж. Серебристая маска тускло поблескивала.

Он вошел и лишь на мгновение задержал на ней взгляд. Резким движением открыл мехи своего оружия, вытряхнул двух мертвых пчел, услышал, как они шлепнулись о пол, раздавил их ногой и поставил разряженное оружие в угол комнаты, а Илла, наклонившись, безуспешно пыталась собрать осколки разбитого бокала.

– Что ты делал? – спросила она.

– Ничего, – ответил он, стоя спиной к ней. Он снял маску.

– Ружье... я слышала, как ты стрелял. Два раза.

– Охотился, только и всего. Потянет иногда на охоту... Доктор Нлле пришел?

– Нет.

– Пстой-ка. – Он противно щелкнул пальцами. – Ну конечно, *теперь* я вспомнил. Мы же условились с ним на *завтра*. Я все перепутал.

Они сели за стол. Она глядела на свою тарелку, но руки ее не прикасались к еде.

– В чем дело? – спросил он, не поднимая глаз, бросая куски мяса в бурлящую лаву.

– Не знаю. Не хочется есть, – сказала она.

– Почему?

– Не знаю, просто не хочется.

В небе родился ветер; солнце садилось. Комната вдруг стала маленькой и холодной.

– Я пытаюсь вспомнить, – произнесла она в тиши комнаты, глянув в золотые глаза своего холодного, безупречно подтянутого мужа.

– Что вспомнить? – Он потягивал вино.

– Песню. Эту красивую, чудесную песню. – Она закрыла глаза и стала напевать, но песня не получилась. – Забыла. А мне почему-то не хочется ее забывать. Хочется помнить ее всегда. – Она плавно повела руками, точно ритм движений мог ей помочь. Потом откинулась в кресле. – Не могу вспомнить.

Она заплакала.

– Почему ты плачешь? – спросил он.

– Не знаю, не знаю, я ничего не могу с собой поделать. Мне грустно, и я, не знаю почему, плачу – не знаю почему, но плачу.

Ее ладони стиснули виски, плечи вздрагивали.

– До завтра все пройдет, – сказал он.

Она не глядела на него, глядела только на нагую пустыню и на яркие-яркие звезды, которые высыпали на черном небе, а издали доносился крепнувший голос ветра и холодный плеск воды в длинных каналах. Она закрыла глаза, дрожа всем телом.

– Да, – повторила она, – до завтра все пройдет.

Август 1999. Летняя ночь

Люди стояли кучками в каменных галереях, растворяясь в тени между голубыми холмами. Звезды и лучезарные марсианские луны струили на них мягкий вечерний свет. Позади мраморного амфитеатра, скрытые мраком и далью, раскинулись городки и виллы, серебром отливали недвижимые пруды, от горизонта до горизонта блестели каналы. Летний вечер на Марсе, планете безмятежности и умеренности. По зеленой влаге каналов скользили лодки, изящные, как бронзовые цветки. В нескончаемо длинных рядах жилищ, извивающихся по склонам, подобно оцепеневшим змеям, в прохладных ночных постелях лениво перешептывались возлюбленные. Под факелами на аллеях, держа в руках извергающих тончайшую паутину золотых пауков, еще бегали заигравшиеся дети. Тут и там на столах, булькающих серебристой лавой, готовился поздний ужин. В амфитеатрах сотен городов на ночной стороне Марса смуглые марсиане с глазами цвета червонного золота собирались на досуге вокруг эстрад, откуда покорные музыкантам тихие мелодии, подобно аромату цветов, плыли в притихшем воздухе.

На одной эстраде пела женщина.

По рядам слушателей пробежал шелест.

Пение оборвалось. Певица поднесла руку к горлу. Потом кивнула музыкантам, они начали с начала.

Музыканты заиграли, она снова запела; на этот раз публика ахнула, подалась вперед, кто-то вскочил на ноги – на амфитеатр словно пахнуло зимней стужей. Потому что песня, которую пела женщина, была странная, страшная, необычная. Она пыталась остановить слова, срывающиеся с ее губ, но они продолжали звучать:

Идет, блистая красотой
Тысячезвездной ясной ночи,
В соревнованье света с тьмой
Изваяны чело и очи².

Руки певицы метнулись ко рту. Она оцепенела, растерянная.

– Что это за слова? – недоумевали музыканты.

– Что за песня?

– Чей язык?

Когда же они опять принялись дуть в свои золотые трубы, снова родилась эта странная музыка и медленно поплыла над публикой, которая теперь громко разговаривала, поднимаясь со своих мест.

– Что с тобой? – спрашивали друг друга музыканты.

– Что за мелодию ты играл?

– А *ты* сам что играл?

Женщина расплакалась и убежала с эстрады. Публика покинула амфитеатр. Повсюду, во всех смятенных марсианских городах, происходило одно и то же. Холод обьял их, точно с неба пал белый снег.

В темных аллеях под факелами дети пели:

«...Пришла, а шкаф уже пустой, Остался песик с носом!»

– Дети! – раздавались голоса. – Что это за песенка? Где вы ее выучили?

– Она просто *пришла нам* в голову, ни с того ни с сего. Какие-то непонятные слова!

Захлопали двери. Улицы опустели. Над голубыми холмами взошла зеленая звезда.

---

² Стихотворение Джорджа Гордона Байрона.

На всей ночной стороне Марса мужчины просыпались от того, что лежавшие рядом возлюбленные напевали во мраке.

– Что это за мелодия?

В тысячах жилищ среди ночи женщины просыпались, обливаясь слезами, и приходилось их утешать:

– Ну успокойся, успокойся же. Спи. Ну, что случилось? Дурной сон?

– Завтра произойдет что-то ужасное.

– Ничего не может произойти, у нас все в порядке.

Судорожное всхлипывание.

– Я чувствую, *это* надвигается все ближе, ближе, *ближе!*..

– С нами ничего не может случиться. Полно! Спи. Спи...

Тихо на предутреннем Марсе, тихо, как в черном студеном колодце, и свет звезд на воде каналов, и в каждой комнате дыхание свернувшихся калачиком детей с зажатыми в кулачках золотыми пауками, и возлюбленные спят рука в руке, луны закатились, погашены факелы, и безлюдны каменные амфитеатры.

И лишь один-единственный звук, перед самым рассветом: где-то в дальнем конце пустынной улицы одиноко шагал во тьме ночной сторож, напевая странную, незнакомую песенку...

Август 1999. Земляне

Вот привязались – стучат и стучат!

Миссис Ттт сердито распахнула дверь.

– Ну, в чем дело?

– Вы говорите *по-английски*? – Человек, стоявший у входа, опешил.

– Говорю, как умею, – ответила она.

– Чистейший английский язык!

Человек был одет в какую-то форму. За ним стояли еще трое; все они были заметно взволнованы – сияющие, измазанные с головы до ног.

– Что вам угодно? – резко спросила миссис Ттт.

– Вы – *марсианка!* – Человек улыбался. – Это слово вам, конечно, незнакомо. Так говорят у нас, на Земле. – Он кивнул на своих спутников. – Мы с Земли. Я – капитан Уильямс. Мы всего час назад сели на Марсе. Вот прибыли. *Вторая* экспедиция! До нас была Первая экспедиция, но ее судьба нам неизвестна. Так или иначе, мы прилетели. И вы – первый житель Марса, которого мы встретили!

– Марсианка? – Брови ее взметнулись.

– Я хочу сказать, что вы живете на четвертой от Солнца планете. Точно?

– Элементарная истина, – фыркнула она, меряя их взглядом.

– А мы, – он прижал к груди свою пухлую розовую руку, – мы с Земли. Верно, ребята?

– Так точно, капитан! – откликнулся хор.

– Это планета Тирр, – сказала она, – если вам угодно знать ее настоящее имя.

– Тирр, Тирр. – Капитан устало рассмеялся. – Чудесное название! Но скажите же, добрая женщина, как объяснить, что вы так великолепно говорите по-английски?

– Я не говорю, – ответила она, – я думаю. Телепатия. Всего хорошего!

И она хлопнула дверью.

Мгновение спустя этот ужасный человек уже снова стучал.

Она распахнула дверь.

– Ну, что еще? – спросила она.

Он стоял на том же месте и силился улыбнуться, но уже без прежней уверенности. Он протянул к ней руки.

– Мне кажется, вы не совсем поняли...

– Чего? – отрезала она.

Его глаза округлились от изумления.

– Мы прилетели с *Земли!*

– Мне некогда, – сказала она. – У меня сегодня куча дел – обед, уборка, шитье, всякая всячина... Вам, вероятно, нужен мистер Ттт, так он наверху, в своем кабинете.

– Да, да, – озадаченно произнес человек с Земли, моргая. – Ради бога, позовите мистера Ттт.

– Он занят. – И она снова захлопнула дверь.

На сей раз стук был уж совсем неприличным.

– Знаете что! – вскричал человек, едва дверь распахнулась. Он ворвался в прихожую, словно решил взять неожиданностью. – Так не принимают гостей!

– Мой чистый пол! – возмутилась она. – Грязь! Убирайтесь прочь! Если хотите войти в мой дом, сперва почистите обувь.

Человек испуганно посмотрел на свои грязные башмаки.

– Сейчас не время придирааться к пустякам, – решительно заявил он. – Такое событие! Его нужно отпраздновать!

Он упорно глядел на нее, словно это могло заставить ее понять, чего они хотят.

– Если мои хрустальные булочки перестояли в духовке, – закричала она, – то я вас поленом!..

И она поспешила к маленькой, пышущей жаром печке. Потом вернулась – раскрасневшаяся, потная. Ярко-желтые глаза, смуглая кожа, худенькая и юркая, как насекомое... Резкий, металлический голос:

– Обождите здесь. Я пойду посмотрю, может быть, и позволю вам на минутку зайти к мистеру Ттт. Какое там у вас дело к нему?

Человек выругался так, словно она ударила его молотком по пальцу.

– Скажите ему, что мы прилетели с Земли, что это впервые!

– Что впервые? – Она подняла вверх смуглую руку. – Ладно, это не важно. Я сейчас.

Звуки ее шагов прошелестели по переходам каменного дома.

А снаружи было невероятно синее, жаркое марсианское небо – недвижимое, будто глубокое теплое море. Над марсианской пустыней, словно над огромным кипящим котлом, струилось марево. На вершине пригорка неподалеку стоял, покосившись, небольшой космический корабль. От него к двери каменного дома протянулась цепочка крупных следов.

Сверху, со второго этажа, донеслись возбужденные голоса. Люди у двери поглядывали друг на друга, переминались с ноги на ногу, поправляли пояса. Наверху что-то прорычал мужской голос.

Женский голос ответил. Через четверть часа земляне от нечего делать стали слоняться взад-вперед по кухне.

– Закурим? – сказал один из них.

Другой достал сигареты, они закурили. Они выдыхали неторопливые бледные струйки дыма. Разгладили складки курток, поправили воротнички. Голоса наверху продолжали гудеть и журчать. Командир глянул на свои часы.

– Двадцать пять минут, – заметил он. – Что у них там происходит?

Он подошел к окну и выглянул наружу.

– Жаркий денек, – сказал один из космонавтов.

– Да уж, – лениво протянул другой, разморенный полуденным зноем.

Гул голосов наверху сменился глухим бормотанием, потом и вовсе стих. Во всем доме – ни звука. Только собственное дыхание слышно.

Целый час прошел в безмолвии.

– Уж не случилось ли из-за нас какой беды? – произнес командир, подходя к двери гостиной и заглядывая туда.

Миссис Ттт стояла посреди комнаты, поливая цветы.

– А я все думаю, что я такое забыла... – сказала она, заметив капитана. Она вышла на кухню. – Извините. – Она протянула ему клочок бумаги. – Мистер Ттт слишком занят. – Она повернулась к своим кастрюлям. – Да и все равно вам нужен не он, а мистер Ааа. Пойдите с этой запиской на соседнюю усадьбу возле голубого канала, там мистер Ааа расскажет вам все, что вы хотите знать.

– Нам ничего не надо узнавать, – возразил командир, надув толстые губы. – Мы и так уже знаем.

– Вы получили записку, что еще вам надо? – резко спросила она.

Больше они ничего не могли от нее добиться.

– Ладно, – сказал командир. Ему все еще не хотелось уходить. Он стоял с таким видом, будто чего-то ждал. Точно ребенок, глядящий на голую рождественскую елку. – Ладно, – повторил он. – Пошли, ребята.

И все четверо вышли из дома в душное безмолвие летнего дня.

Полчаса спустя мистер Ааа, который восседал в своей библиотеке, прихлебывая электрическое пламя из металлической чаши, услышал голоса снаружи, на мощеной дорожке. Он высунулся из окна и уставился на четверку одетых в одинаковую форму людей, которые, шурясь, глядели на него.

– Вы мистер Ааа? – справились они.

– Я.

– Нас послал к вам мистер Ттт! – крикнул командир.

– Что за причина? – спросил мистер Ааа.

– Он был занят!

– Ну, знаете, это... – презрительно произнес мистер Ааа. – Уж не думает ли он, что мне больше нечего делать, как развлекать людей, которыми ему некогда заниматься?

– Сейчас это несущественно, сэр! – крикнул командир.

– Для меня – существенно. У меня накопилась куча книг, их нужно прочесть. Мистер Ттт совсем не считается с другими. Он не впервые ведет себя так бесцеремонно по отношению ко мне. И прошу не размахивать руками, дайте мне кончить. Вам следует быть повнимательнее. Я привык к тому, что люди слушают, когда я говорю. И потрудитесь выслушать меня с должным почтением, иначе я вообще не стану с вами разговаривать.

Четверо людей внизу растерянно топтались, разинув рты. У капитана на лбу вздулись жилы и даже блеснули слезы на глазах.

– Ну, так вот, – продолжал поучать мистер Ааа, – как, по-вашему, хорошо ли со стороны мистера Ттт вести себя так неучтиво?

Четверка недоуменно смотрела на него сквозь дымку знойного дня. Капитан не стерпел:

– Мы прилетели с Земли!

– По-моему, он ведет себя просто не по-джентльменски, – брюзжал мистер Ааа.

– Космический корабль. Мы прилетели на ракете. Вот она!

– И ведь он не в первый раз позволяет себе такое безобразие.

– Понимаете – с Земли!

– Он у меня дождется, я позвоню и отчитаю его, да-да.

– Мы четверо – я и вот эти трое – экипаж моего корабля.

– Вот возьму и позвоню сейчас же!

– Земля. Ракета. Люди. Полет. Космос.

– Позвоню и всыплю ему как следует! – крикнул мистер Ааа и пропал из окна, точно кукла в театре.

Было слышно, как по какому-то неведомому аппарату завязалась перебранка. Капитан и его команда стояли во дворе, тоскливо поглядывая на свою красавицу ракету – такую изящную, стройную и родную.

Мистер Ааа вынырнул в окошке, торжествуя:

– Я его на дуэль вызвал, клянусь честью! Слышите – дуэль!

– Мистер Ааа, – терпеливо начал капитан.

– Застрелю его насмерть, так и знайте!

– Мистер Ааа, прошу вас, выслушайте меня. Мы пролетели шестьдесят миллионов миль.

Мистер Ааа впервые обратил внимание на капитана.

– Постойте, как вы сказали – откуда вы?

Лицо капитана осветилось белозубой улыбкой. Он шепнул своим:

– Наконец-то, *теперь* все в порядке! – И громко мистеру Ааа: – Шестьдесят миллионов миль, с планеты Земля!

Мистер Ааа зевнул.

– В это время года – от силы пятьдесят миллионов, не больше. – Он взял в руки какое-то угрожающего вида оружие. – Ну, мне пора. Заберите свою дурацкую записку, хотя я не

понимаю, какой вам от нее прок, и ступайте через вон тот бугор в городок, он называется Иопр, там изложите все мистери Иии. Он именно тот человек, который вам нужен. А не мистер Ттт, этот кретин, – уж я позабочусь о том, чтобы его прикончить. И не я – это не по моей линии.

– Линии, линии! – передразнил его командир. – При чем тут линия, когда надо принять людей с Земли?

– Не говорите глупостей, *это* всем известно! – Мистер Ааа сбежал по лестнице. – Всего хорошего!

И он помчался по дорожке, точно взбесившийся кронциркуль.

Космонавты были совершенно ошарашены. Наконец капитан сказал:

– Нет, мы все-таки найдем кого-нибудь, кто нас выслушает.

– Что, если уйти, а потом вернуться? – уныло произнес один из его товарищей. – Взлететь и снова сесть. Чтобы дать им время очухаться и подготовить встречу.

– Может быть, так и сделаем, – буркнул измученный капитан.

Городок бурлил. Марсиане входили и выходили из домов, они приветствовали друг друга, на них были маски – золотые, голубые, розовые, ради приятного разнообразия маски с серебряными губами и бронзовыми бровями, маски улыбающиеся и маски хмурые, сообразно нраву владельца.

Земляне, все в испарине после долгого перехода, остановились и спросили маленькую девочку, где живет мистер Иии.

– Вон там, – кивком указала девочка.

Капитан нетерпеливо, осторожно опустился на одно колено и заглянул в ее милое детское личико.

– Послушай, девочка, что я тебе расскажу.

Он посадил ее себе на колено и ласково сжал своими широкими ладонями ее смуглые ручонки, словно приготовился рассказать ей сказку на ночь, сказку, которую складывают в уме не торопясь, со множеством обстоятельных и счастливых подробностей.

– Понимаешь, малютка, с полгода тому назад на Марс прилетела другая ракета. В ней был человек по имени Йорк со своим помощником. Мы не знаем, что с ними случилось. Быть может, они разбились. Они прилетели на ракете. И мы, мы тоже прилетели на ракете. Вот бы ты на нее посмотрела! Большая-пребольшая ракета! Так что мы – *Вторая* экспедиция, а перед нами была Первая. Мы долго летели, с самой Земли...

Девочка бездумно высвободила одну руку и опустила на лицо золотую маску, выражающую безразличие. Потом достала игрушечного золотого паука и уронила его на землю, а капитан все твердил свое. Игрушечный паук послушно вскарабкался ей на колени, она же безучастно наблюдала за ним сквозь щелочки равнодушной маски: капитан ласково встряхнул ее и продолжал втолковывать ей свою историю.

– Мы – земляне, – говорил он. – Ты мне веришь?

– Да. – Девчурка искоса глядела, что чертят в пыли пальчики ее ног.

– Ну вот и умница. – Командир наполовину добродушно, наполовину злобно ущипнул ее за руку, чтобы заставить девочку глядеть на него. – Мы построили себе ракету. Ты *веришь*?

Девочка сунула в нос палец.

– Ага.

– И... нет-нет, дружок, вынь пальчик из носа... и я, командир космического корабля, и...

– Еще никогда в истории никто не выходил в космос на такой большой ракете, – продемонстрировала крошка, зажмурив глазки.

– Восхитительно! Как ты угадала?

– Телепатия.

Она небрежно вытерла пальчик о коленку.

– Ну? Неужели это тебе ничуть не интересно? – вскричал командир. – Разве ты *не* рада?
– Вы бы лучше пошли поскорее к мистеру Иии. – Она уронила игрушку на землю. – Он охотно поговорит с вами.

И она убежала, сопровождаемая по пятам игрушечным пауком.

Командир сидел на корточках, протянув руку к девочке и глядя ей вслед. Он почувствовал, как на глаза навертываются слезы. Посмотрел на свои пустые руки, беспомощно открыв рот. Товарищи стояли рядом, глядя на собственные тени. Они сплюнули на камни мостовой...

Мистер Иии сам отворил дверь. Он торопился на лекцию, но готов был уделить им минуту, если они побыстрее войдут и скажут, что им надо...

– Немного внимания, – сказал капитан, устало поднимая опухшие веки. – Мы – с Земли, у нас тут ракета, нас четверо – три космонавта и командир, мы совершенно вымотались, хотим есть, нам бы найти где поспать. И пусть кто-нибудь вручит нам ключи от города или что-нибудь в этом роде, пусть нам пожмут руки, крикнут «ура», скажут: «Поздравляем, старики!» Вот, пожалуйста, и все.

Мистер Иии был долговязый ипохондрик, желтоватые глаза спрятаны за толстыми синими кристаллами очков. Наклонившись над письменным столом, он задумчиво перелистывал какие-то бумаги, то и дело пронизывая своих гостей пытливым взглядом.

– Боюсь, у меня нет здесь бланков. – Он перерыл все ящики стола. – Куда я их задевал? – Он нахмурился. – Где-то... где-то здесь... А, вот они! Прошу вас! – Он решительно протянул капитану бумаги. – Вам придется это подписать.

– Читать всю эту белиберду?

Толстые стекла очков воззрились на капитана.

– Но вы ведь сами сказали, что вы с Земли? В таком случае вам остается только подписать.

Капитан поставил свою подпись.

– Команда тоже должна подписаться?

Мистер Иии поглядел на него, поглядел на трех остальных и разразился издевательским смехом.

– *Им* – тоже подписаться?! Ха-ха-ха! Это великолепно! Они... они... – У него катились слезы по щекам. Он хлопнул себя рукой по колену и согнулся, давясь смехом, рвущимся из широко разинутого рта. Он уцепился за стол. – *Им* – подписаться!..

Космонавты нахмурились.

– Что тут смешного?

– *Им* подписаться! – выдохнул мистер Иии, обессиленный хохотом. – Еще бы не смешно! Я обязательно расскажу об этом мистеру Ыы! – Он поглядел на подписанные бланки, продолжая смеяться. – Как будто все в порядке. – Он кивнул. – Даже согласие на эвтаназию, если в конечном счете это окажется необходимым. – Он рассыпался мелким смешком.

– Согласие на *что*?

– Ладно, хватит. У меня для вас кое-что есть. Вот. Возьмите этот ключ.

Капитан вспыхнул:

– О, это великая честь!

– Это не от города, болван! – рявкнул мистер Иии. – Ключ от Дома. Ступайте по коридору, отоприте большую дверь, войдите и хорошенько захлопните за собой. Можете там переночевать. А утром я пришлю к вам мистера Ыы.

Капитан нерешительно взял ключ. Он стоял, понурившись. Его товарищи не двигались с места. Казалось, из них выкачали всю их кровь, всю ракетную лихорадку. Они совершенно выдохлись.

– Ну, что еще? В чем дело? – спросил мистер Иии. – Чего вы ждете? Чего хотите? – Он подошел вплотную к капитану и, наклонив голову, снизу заглянул ему в лицо. – Выкладывайте!

– Боюсь, вы даже не в состоянии... – начал капитан. – То есть я хочу сказать... попытаюсь подумать о том... – Он замялся. – Мы немало потрудились, такой путь проделали, может быть, стоит, ну, что ли, пожать нам руки и сказать... ну, хотя бы: «Молодцы!» – Он смолк.

Мистер Иии небрежно сунул ему руку.

– Поздравляю! – Его губы растянулись в холодной улыбке. – Поздравляю. – Он отвернулся. – А теперь мне пора. Не забудьте про ключ.

И, не обращая на них больше никакого внимания, словно они растаяли, мистер Иии заходил по комнате, набивая какими-то бумагами маленький портфель. Это длилось не меньше пяти минут, и все это время он ни разу больше не обратился к четверке угрюмых людей, которые стояли на подкашивающихся от усталости ногах, понурив головы, с потухшими глазами.

Выходя, мистер Иии сосредоточенно разглядывал свои ногти...

В тусклом предвечернем свете они побрели по коридору. Они оказались перед большой, блестящей серебристой дверью и отперли ее серебряным ключом. Вошли, захлопнули дверь и осмотрелись кругом.

Они были в просторном, залитом солнцем зале. Мужчины и женщины сидели за столами, стояли кучками, разговаривали. Щелчок замка заставил их обернуться, и все воззрились на четверых людей, одетых в форму.

Один марсианин подошел к ним и поклонился.

– Я мистер Ууу, – представился он.

– А я – капитан Джонатан Уильямс из Нью-Йорка, с Земли, – ответил капитан без всякого энтузиазма.

Мгновенно зал точно взорвался!

Потолок задрожал от криков и возгласов. Марсиане, размахивая руками, восторженно крича, опрокидывая столы, толкая друг друга, со всех концов зала кинулись к землянам, стиснули их в объятиях, подняли всю четверку на руки. Шесть раз они пронесли их на плечах вокруг всего зала, шесть раз бегом совершили ликующий круг почета, прыгая, приплясывая, громко распевая.

Земляне до того опешили, что целую минуту молча ехали верхом на качающихся плечах, прежде чем начали смеяться и кричать друг другу:

– Вот это да! Совсем *другое* дело!

– Здорово! Сразу бы так! Э-гей! Ух ты! Э-э-э-эх!

Они торжественно подмигивали друг другу, они вскинули руки, хлопая в ладоши.

– Э-гей!!!

– Ура! – вопила толпа.

Марсиане поставили землян на стол. Крики смолкли.

Капитан чуть не разрыдался.

– Спасибо вам, большое спасибо. Это замечательно...

– Расскажите о себе, – предложил мистер Ууу.

Капитан откашлялся.

Слушатели восторженно охали и ахали. Капитан представил своих товарищей, каждый из них произнес коротенькую речь, смущенно принимая громовые овации.

Мистер Ууу похлопал капитана по плечу.

– Приятно встретить здесь земляка! Я ведь тоже с Земли.

– То есть как это?

– А вот так. Нас тут много с Земли.

– Вы? С Земли? – Капитан вытаращил глаза. – Не может этого быть! Вы что, тоже прилетели на ракете? В каком же веке начались космические полеты? – В его голосе было разочарование. – Да вы откуда, из какой страны?

– Туиэреол. Я перенесся сюда силой духа много лет назад.

– Туиэреол... – медленно выговорил капитан. – Не знаю такой страны. И что это за сила духа...

– Вот мисс Ррр, она тоже с Земли. *Верно*, мисс Ррр?

Мисс Ррр кивнула и как-то странно усмехнулась.

– И мистер Ююю, и мистер Щщщ, и мистер Ввв!

– А я с Юпитера, – представился один мужчина, приосанившись.

– А я с Сатурна, – ввернул другой, хитро поблескивая глазами.

– Юпитер, Сатурн... – бормотал капитан, моргая.

Стало очень тихо. Марсиане толпились вокруг космонавтов, сидели за столами, но столы были пустые, банкетом тут и не пахло. Желтые глаза горели, ниже скул залегли глубокие тени. Только тут капитан заметил, что в зале нет окон, свет словно проникал через стены. И только одна дверь. Капитан нахмурился.

– Чепуха какая-то. Где находится Туиэреол? Далеко от Америки?

– Что такое – Америка?

– Вы не слышали про Америку?! Говорите, что сами с Земли, а не знаете Америки!

Мистер Ууу сердито вздернул голову.

– Земля – сплошные моря, одни моря, больше ничего. Там нет суши. Я сам оттуда, уж я-то знаю.

– Постойте, – капитан отступил на шаг, – да вы же самый настоящий марсианин! Желтые глаза. Смуглая кожа...

– Земля сплошь покрыта *джунглями*, – гордо произнесла мисс Ррр. – Я из Орри, страны серебряной культуры!

Капитан переводил взгляд с одного лица на другое, с мистера Ууу на мистера Ююю, с мистера Ююю на мистера Ззз, с мистера Ззз на мистера Ннн, мистера Ххх, мистера Ббб. Он видел, как расширяются и сужаются зрачки их желтых глаз, как их взгляд становится то пристальным, то туманным. Его охватила дрожь. Наконец он повернулся к своим подчиненным и мрачно сказал:

– Вы поняли, что это такое?

– Что, капитан?

– Это вовсе не торжественная встреча, – устало произнес он. – И не импровизированный прием. И не банкет. И мы здесь не почетные гости. А они не представители марсианских властей. Посмотрите на их глаза. Прислушайтесь к их речам!

Космонавты затаили дыхание. Поблескивая белками, они медленно обозревали странный зал.

– Теперь я понимаю. – Голос капитана доносился словно издали. – Понимаю, почему все давали нам новые адреса и отсылали к кому-нибудь другому, пока мы не встретили мистера Иии... Ну а уж он дал точный адрес и даже ключ, чтобы мы отперли дверь и захлопнули ее. Вот мы и попали...

– Куда мы попали, командир?

Плечи капитана поникли.

– В сумасшедший дом.

Наступила ночь. Тишина царил в просторном зале, озаренном тусклым сиянием светильников, скрытых в прозрачных стенах. Четверо землян сидели вокруг деревянного стола и перешептывались, сдвинув уныло поникшие головы. На полу вперемежку спали мужчины и женщины. В темных углах что-то копошилось, одинокие фигуры странно взмахивали руками. Каждый полчаса кто-нибудь из космонавтов подходил к серебристой двери и возвращался к столу.

– Бесполезно, капитан. Мы заперты надежно.

– Капитан, неужели нас приняли за сумасшедших?

– Конечно. Вот почему наше появление не вызвало бурных восторгов. Мы для них просто-напросто психически больные, каких здесь много. – Он показал на фигуры спящих. – Это же параноики, все до одного! Но как они нас встретили! Мне даже на минуту показалось, – в его глазах вспыхнул огонек и тут же потух, – что наконец-то мы дождались торжественной встречи. Эти возгласы, пение, речи... Ведь здорово было, а?..

– Сколько нас продержат здесь, командир?

– Пока мы не докажем, что мы не психи.

– Ну, это просто.

– *Надеюсь*, что так...

– Вы, кажется, не очень в этом уверены, капитан?

– М-да... Поглядите вон в тот угол.

Во мраке сидел на корточках мужчина. Из его рта вырвалось голубое пламя, которое приняло форму маленькой нагой женщины. Она плавно парила в воздухе, в дымке кобальтового света, что-то шепча и вздыхая.

Капитан мотнул головой в другую сторону. Там стояла женщина, с которой происходили удивительные превращения. Сперва она оказалась заключенной внутри хрустальной колонны, потом стала золотой статуей, потом – кедровым посохом и наконец обрела свой первоначальный вид.

Повсюду в полуночном зале мужчины и женщины манипулировали тонкими языками фиолетового пламени, непрерывно превращаясь и изменяясь, ибо ночь – пора тоски и метаморфоз.

– Колдовство, черная магия, – прошептал один из землян.

– Нет, галлюцинации. Они передают нам свой бред, так что мы видим их галлюцинации. Телепатия. Самовнушение и телепатия.

– Это вас и тревожит, капитан?

– Да. Если галлюцинации кажутся нам – и не только нам всем – такими реальными, если галлюцинации так убедительны и правдоподобны, неудивительно, что нас приняли за психопатов. Тот мужчина может делать маленьких женщин из голубого пламени, а вон эта женщина способна превращаться в статую; вполне естественно для нормального марсианина решить, что ракетный корабль – плод *нашей* больной фантазии.

Из темноты донесся вздох отчаяния.

Кругом, то вспыхивая, то исчезая, плясали голубые огоньки. Из рта спящих мужчин вылетали чертики из красного песка. Женщины превращались в лоснящихся змей. Пахло зверьем и рептилиями.

Когда настало утро, все казались нормальными, веселыми и здоровыми. Никаких бесов, никакого пламени. Капитан со своей командой стоял у серебристой двери в надежде, что она откроется.

Мистер Ыы появился часа через четыре. Они подозревали, что он не меньше трех часов простоял за дверью, изучая их, прежде чем войти, позвать их к себе и провести в свой маленький кабинет.

Это был добродушный улыбающийся мужчина, если верить его маске, на которой была изображена не одна, а три разные улыбки. Впрочем, голос, звучавший из-под маски, явно принадлежал не столь уж улыбчивому психиатру.

– Ну, что вас беспокоит?

– Вы считаете нас сумасшедшими, но это не так, – сказал капитан.

– Напротив, я вовсе не считаю всех вас сумасшедшими. – Психиатр направил на капитана маленькую указку. – Только вас, уважаемый. Все остальные – вторичные галлюцинации.

Капитан хлопнул себя по колену.

– Так *вот* в чем дело! Вот почему мистер Иии расхохотался, когда я спросил, надо ли моим товарищам тоже подписать бланки!

– Да, мистер Иии рассказал мне об этом. – Психиатр хохотнул сквозь извилистую прорезь рта в маске. – Отличная шутка. Так о чем я говорил? Да, вторичные галлюцинации. Ко мне приходят женщины, у которых из ушей лезут змеи. После моего лечения змеи исчезают.

– Мы с радостью подвергнемся лечению. Приступайте.

Мистер Ыыы был озадачен.

– Поразительно. Мало кто соглашается на лечение. Дело в том, что оно весьма радикально.

– Ничего, валяйте, лечите! Вы сами убедитесь, что мы все здоровы.

– Разрешите сперва посмотреть ваши бумаги, все ли оформлено для лечения. – Он полистал папку. – Так... Видите ли, случаи, подобные вашему, требуют особых методов. У тех, кого вы видели в Доме, более легкая форма... Но когда дело заходит так далеко, как у вас, – с первичными, вторичными, слуховыми, обонятельными и вкусовыми галлюцинациями в сочетании с мнимыми осязательными и оптическими восприятиями, – то, будем говорить начистоту, дело обстоит плохо. Мы вынуждены прибегнуть к эвтаназии.

Капитан с ревом вскочил на ноги:

– Ну вот что, хватит нам голову морочить! Начинайте – обследуйте нас, стучите молотком по колену, выслушайте сердце, заставьте присесть, задавайте вопросы!

– Говорите на здоровье.

Капитан говорил с жаром целый час. Психиатр слушал.

– Невероятно, – задумчиво пробормотал он. – В жизни не слышал такого детализированного фантастического бреда.

– Черт возьми, мы покажем вам наш космический корабль! – взревел капитан.

– С удовольствием посмотрю. Вы можете показать его здесь, в этой комнате?

– Конечно. Он – в вашей картотеке, на букву «К».

Мистер Ыыы внимательно посмотрел картотеку, разочарованно щелкнул языком и неторопливо закрыл ящик.

– Зачем вам понадобилось сбивать меня с толку? Тут нет никакого космического корабля.

– Разумеется, нет, кретин! Я пошутил. А теперь скажите: сумасшедшие острят?

– Иногда встречаются довольно необычные проявления юмора. Ладно, ведите меня к своей ракете. Я хочу посмотреть на нее.

Был жаркий полдень, когда они пришли к ракете.

– Та-ак. – Психиатр подошел к кораблю и постучал по корпусу. Звон был мягкий, густой. – Можно войти внутрь? – спросил он с хитрецей.

– Входите.

Мистер Ыыы вошел в корабль – и застрял там.

– Всякое бывало в моей грешной жизни, но такого... – Капитан ждал, жуя сигару. – Больше всего на свете мне хочется улететь домой и сказать там, чтобы больше не связывались с этим Марсом. Более подозрительных пентюхов...

– Сдается мне, командир, здесь вообще каждый второй – ненормальный. Немудрено, что они такие недоверчивые.

– Все равно, мне это осточертело!

Полчаса психиатр копался, щупал, выстукивал, слушал, нюхал, пробовал на вкус, наконец он вышел из корабля.

– Ну, *теперь-то* вы убедились! – крикнул капитан, словно глухой.

Психиатр закрыл глаза и почесал нос.

– Это самый поразительный пример мнимого восприятия и гипнотического внушения, с каким я когда-либо сталкивался. Я осмотрел вашу так называемую «ракету». – Он постучал пальцем по корпусу. – Я ее слышу – слуховая иллюзия. – Он втянул носом воздух. – Я ее обоняю. Обонятельная галлюцинация, наведенная телепатической передачей чувств. – Он поцеловал обшивку ракеты. – Я ощущаю ее вкус: вкусовая иллюзия!

Он пожал руку капитана.

– Разрешите поздравить вас! Вы – психопатический гений! Это... это просто верх совершенства! Ваша способность телепатическим путем проецировать свои психопатические фантазии на сознание других субъектов при полной сохранности силы восприятий поразительна, невероятна. Остальные наши пациенты обычно концентрируются на зрительных галлюцинациях, в лучшем случае в сочетании со слуховыми. Вы же справляетесь со всем комплексом! Ваше безумие совершенно до изумления!

– Мое безумие... – Капитан побледнел.

– Да, да, великолепное безумие! Металл, резина, гравияторы, пища, одежда, горючее, оружие, трапы, гайки, болты, ложки – я проверил множество предметов. В жизни не видел такой сложной картины. Даже тени под койками – подо всем! Такая концентрация воли! И все-все, сколько я ни проверял, можно пощупать, понюхать, послушать, попробовать на вкус! Позвольте мне вас обнять!

Наконец он оторвался от капитана.

– Я напишу об этом монографию; она будет лучшей моей работой! В следующем месяце прочту доклад в Марсианской Академии наук! Одна ваша *внешность* чего стоит! Вы ухитрились изменить даже цвет глаз – вместо желтого голубой, и кожа у вас не смуглая, а розовая! А этот костюм, и пять пальцев на руках вместо шести! Подумать только – полная биологическая метаморфоза под влиянием отклонений в психике! Да еще ваши три приятеля...

Он достал маленький пистолет.

– Вы, конечно, неизлечимы. Несчастный вы, удивительный человек! Только смерть принесет вам избавление. Хотите сказать что-нибудь напоследок?

– Стойте, бога ради! Не стреляйте!

– Бедняга! Я исцелю вас от страданий, которые заставили вас вообразить эту ракету и этих троих людей. Захватывающее будет зрелище: я убиваю вас, и мгновенно исчезают и ваши друзья, и ваша ракета. Ах, какую статеечку я напишу по сегодняшним наблюдениям – «Распад невротических иллюзий»!

– Я с Земли! Меня зовут Джонатан Уильямс, а эти...

– Знаю, знаю, – ласково сказал мистер Ыы и выстрелил.

Капитан упал с пулей в сердце. Его товарищи закричали.

Мистер Ыы вытаращил глаза.

– Вы продолжаете существовать? Это бесподобно! Галлюцинации с персистенцией во времени и пространстве! – Он направил на них пистолет. – Ничего, я вас заставлю исчезнуть.

– Нет! – крикнули космонавты.

– Слуховая иллюзия даже после смерти больного, – деловито отметил мистер Ыы, убивая одного за другим всех троих.

Они неподвижно лежали на песке, нисколько не изменившись.

Он толкнул их ногой. Потом постучал по корпусу ракеты.

– Она не пропала! Они не исчезли!

Он снова и снова стрелял в безжизненные тела. Потом отступил назад. Маска с застывшей улыбкой упала ему под ноги.

Выражение лица психиатра медленно изменялось. Нижняя челюсть отвисла. Пистолет выпал из ослабевшей руки. Взгляд его стал пустым, отсутствующим. Он вскинул руки вверх и повернулся кругом точно слепой. Он шупал мертвые тела, то и дело сглатывая слюну.

– Галлюцинации, – лихорадочно бормотал он. – Вкус. Зрительные образы. Запах. Звук. Ощущение.

Он махал руками, выпучив глаза. На губах выступила пена.

– Сгиньте! – завопил мистер Ыы, обращаясь к убитым. – Сгинь! – крикнул он ракете.

Он посмотрел на свои дрожащие руки.

– Заразился, – прошептал он в отчаянии. – Перешло ко *мне*. Телепатия. Гипноз. Теперь и я безумен. Все виды мнимых восприятий. – На секунду он замер, потом стал непослушными пальцами искать пистолет. – Осталось только одно средство. Единственный способ заставить их сгинуть, исчезнуть.

Раздался выстрел. Мистер Ыы упал.

Под лучами солнца лежали четыре тела. Тут же, рядом, лежал мистер Ыы.

Ракета стояла, покосившись, на залитом солнцем пригорке, никуда не исчезая.

Когда на закате горожане нашли ракету, они долго ломали себе голову, что это такое. Никто не отгадал. Ракету продали старьевщику, который увез ее и разобрал на утиль.

Всю ночь напролет шел дождь. На следующий день было ясно и тепло.

Март 2000. Налогоплательщик

Он хотел улететь с ракетой на Марс. Рано утром он пришел к космодрому и стал кричать через проволочное ограждение людям в мундирах, что хочет на Марс. Он исправно платит налоги, его фамилия Причард, и он имеет полное право лететь на Марс. Разве он родился не здесь, не в Огайо? Разве он плохой гражданин? Так в чем же дело, почему ему нельзя лететь на Марс? Потрясая кулаками, он крикнул им, что не хочет оставаться на Земле: любой здравомыслящий человек мечтает унести ноги с Земли. Не позже чем через два года на Земле разразится атомная мировая война, и он вовсе не намерен дожидаться, когда это произойдет. Он и тысячи других, у кого есть голова на плечах, хотят на Марс. Спросите их сами! Подальше от войн и цензуры, от бюрократии и воинской повинности, от правительства, которое не дает шагу шагнуть без разрешения, подмяло под себя и науку и искусство! Можете оставаться на Земле, если хотите! Он готов отдать свою правую руку, сердце, голову, только бы улететь на Марс! Что надо сделать, где расписаться, с кем знакомство завести, чтобы попасть на ракету?

Они только смеялись в ответ из-за проволочного забора. И вовсе ему не хочется на Марс, говорили они. Разве он не знает, что Первая и Вторая экспедиции пропали, канули в небытие, что их участники, вернее всего, погибли?

Но это еще надо доказать, никто не знает этого *точно*, кричал он, вцепившись в проволоку. А может быть, там молочные реки и кисельные берега, может быть, капитан Йорк и капитан Уильямс просто не желают возвращаться. Ну так как – откроют ему ворота, пустят в ракету Третьей экспедиции или ему придется вламываться силой?

Они посоветовали ему заткнуться.

Он увидел, как космонавты идут к ракете.

– Подождите меня! – закричал он. – Не оставляйте меня в этом ужасном мире, я хочу улететь отсюда, скоро начнется атомная война! Не оставляйте меня на Земле!

Они силой оттащили его от ограды. Они захлопнули дверцу полицейской машины и увезли его в этот утренний час, а он прильнул к заднему окошку и за мгновение перед тем, как в облаке сиренного воя машина перемахнула через бугор, увидел багровое пламя, и услышал могучий гул, и ощутил мощное сотрясение – это серебристая ракета взмыла ввысь, оставив его на ничем не примечательной планете Земля в это ничем не примечательное утро заурядного понедельника.

Апрель 2000. Третья экспедиция

Корабль пришел из космоса. Позади остались звезды, умопомрачительные скорости, сверкающее движение и немые космические бездны. Корабль был новый; в нем жило пламя, в его металлических ячейках сидели люди; в строгом беззвучии летел он, дыша теплом, извергая огонь. Семнадцать человек было в его отсеках, включая командира. Толпа на космодроме в Огайо кричала, махала руками, подняв их к солнцу, и ракета расцвела гигантскими лепестками многокрасочного пламени и устремилась в космос – началась *Третья* экспедиция на Марс!

Теперь корабль с железной точностью тормозил в верхних слоях марсианской атмосферы. Он был по-прежнему воплощением красоты и мощи. Сквозь черные пучины космоса он скользил, подобно призрачному морскому чудовищу; он промчался мимо старушки Луны и ринулся в пустоты, пронзая их одну за другой. Людей в его чреве бросало, швыряло, колотило, все они по очереди переболели. Один из них умер, зато теперь оставшиеся шестнадцать, прильнув к толстым стеклам иллюминаторов, расширенными глазами глядели, как внизу под ними стремительно вращается и вырастает Марс.

– Марс! – воскликнул штурман Люстиг.

– Старина Марс! – сказал Сэмюэль Хинкстон, археолог.

– Добро, – произнес капитан Джон Блэк.

Ракета села на зеленой полянке. Чуть поодаль на той же полянке стоял олень, отлитый из чугуна. Еще дальше дремал на солнце высокий коричневый дом в викторианском стиле, с множеством всевозможных завитушек, с голубыми, розовыми, желтыми, зелеными стеклами в окнах. На террасе росла косматая герань и висели на крючках, покачиваясь взад-вперед, взад-вперед от легкого ветерка, старые качели. Башенка с ромбическими хрустальными стеклами и конической крышей венчала дом. Через широкое окно в первом этаже можно было разглядеть пюпитр с нотами под заглавием: «Прекрасный Огайо».

Вокруг ракеты на все стороны раскинулся городок, зеленый и недвижимый в сиянии марсианской весны. Стояли дома, белые и из красного кирпича, стояли, клонясь от ветра, высокие клены, и могучие вязы, и каштаны. Стояли колокольни с безмолвными золотистыми колоколами.

Все это космонавты увидели в иллюминаторы. Потом они посмотрели друг на друга. И снова выглянули в иллюминаторы. И каждый ухватился за локоть соседа с таким видом, точно им вдруг стало трудно дышать. Лица их побледнели.

– Черт меня побери! – прошептал Люстиг, потирая лицо онемевшими пальцами. – Чтоб мне провалиться!

– Этого просто не может быть, – сказал Сэмюэль Хинкстон.

– Господи! – произнес командир Джон Блэк.

Химик доложил из своей рубки:

– Капитан, атмосфера разреженная. Но кислорода достаточно. Опасности никакой.

– Значит, выходим? – спросил Люстиг.

– Отставить, – сказал капитан Джон Блэк. – Надо еще разобраться, что это такое.

– Это? Маленький городок, капитан, воздух хоть и разреженный, но дышать можно.

– Маленький городок, похожий на земные города, – добавил археолог Хинкстон. – Невозможно. Этого просто не может быть, и все же вот он, перед нами...

Капитан Джон Блэк рассеянно глянул на него.

– Как, по-вашему, Хинкстон, может цивилизация на двух различных планетах развиваться одинаковыми темпами и в одном направлении?

– По-моему, это маловероятно, капитан.

Капитан Блэк стоял возле иллюминатора.

– Посмотрите вон на те герани. Совершенно новый вид. Он выведен на Земле всего лет пятьдесят тому назад. А теперь вспомните, сколько тысячелетий требуется для эволюции того или иного растения. И заодно скажите мне, логично ли это, чтобы у марсиан были: во-первых, именно такие оконные рамы, во-вторых, башенки, в-третьих, качели на террасе, в-четвертых, инструмент, который похож на пианино и скорее всего и есть не что иное, как пианино, в-пятых – поглядите-ка внимательно в телескоп, вот так, – логично ли, чтобы марсианский композитор назвал свое произведение не как-нибудь иначе, а именно «Прекрасный Огайо»? Ведь это может означать только одно: на Марсе есть река Огайо!

– Капитан Уильямс, ну конечно же! – вскричал Хинкстон.

– Что?

– Капитан Уильямс и его тройка! Или Натаниел Йорк со своим напарником. Это все объясняет!

– Это не объясняет ничего. Насколько нам удалось установить, ракета Йорка взорвалась, едва они сели на Марсе, и оба космонавта погибли. Что до Уильямса и его тройки, то их корабль взорвался на второй день после прибытия. Во всяком случае, именно в это время прекратили работу передатчики. Будь они живы, они попытались бы связаться с нами. Не говоря уже о том, что со времени экспедиции Йорка прошел всего один год, а экипаж капитана Уильямса прилетел сюда в августе. Допустим даже, что они живы, – возможно ли, хотя бы с помощью самых искусных марсиан, за такое короткое время выстроить целый город и чтобы он выглядел таким старым? Вы посмотрите как следует, ведь этому городу самое малое семьдесят лет. Взгляните на перильные тумбы крыльца, взгляните на деревья – вековые клены! Нет, ни Йорк, ни Уильямс тут ни при чем. Тут что-то другое. Не по душе мне это. И пока я не узнаю, в чем дело, не выйду из корабля.

– Да к тому же, – добавил Люстиг, – Уильямс и его люди и Йорк садились на той стороне Марса. Мы ведь сознательно выбрали *эту* сторону.

– Вот именно. На тот случай, если Йорка и Уильямса убило враждебное марсианское племя, нам было приказано сесть в другом полушарии. Чтобы катастрофа не повторилась. Так что мы находимся в краю, которого, насколько нам известно, ни Уильямс, ни Йорк и в глаза не видали.

– Черт возьми, – сказал Хинкстон, – я все-таки пойду в этот город с вашего разрешения, капитан. Ведь может оказаться, что на всех планетах нашей Солнечной системы мышление и цивилизация развивались сходными путями. Кто знает, возможно, мы стоим на пороге величайшего психологического и философского открытия нашей эпохи!

– Я предпочел бы обождать немного, – сказал капитан Джон Блэк.

– Командир, может быть, перед нами явление, которое впервые докажет существование Бога!

– Верующих достаточно и без таких доказательств, мистер Хинкстон...

– Да, и я отношусь к ним, капитан. Но совершенно ясно – такой город просто не мог появиться без вмешательства Божественного провидения. Все эти мелочи, *детали*... Во мне сейчас такая борьба чувств, не знаю, смеяться мне или плакать.

– Тогда воздержитесь и от того и от другого, пока мы не выясним, с чем столкнулись.

– С чем столкнулись? – вмешался Люстиг. – Да ни с чем. Обыкновенный, славный, тихий, зеленый городок, и очень похож на тот стародавний уголок, в котором я родился. Мне он просто нравится.

– Когда вы родились, Люстиг?

– В тысяча девятьсот пятидесятом, сэр.

– А вы, Хинкстон?

– В тысяча девятьсот пятьдесят пятом, капитан. Гриннелл, штат Айова. Вот гляжу сейчас, и кажется, будто я на родину вернулся.

– Хинкстон, Люстиг, я мог бы быть вашим отцом, мне ровно восемьдесят. Родился я в тысяча девятьсот двадцатом, в Иллинойсе, но благодаря Божьей милости и науке, которая за последние пятьдесят лет научилась делать *некоторых* стариков молодыми, я прилетел с вами на Марс. Устал я не больше вас, а вот недоверчивости у меня во много раз больше. У этого городка такой мирный, такой приветливый вид – и он так похож на мой Грин-Блафф в Иллинойсе, что мне даже страшно. Он *слишком* похож на Грин-Блафф. – Командир повернулся к радисту. – Свяжитесь с Землей. Передайте, что мы сели. Больше ничего. Скажите, что полный доклад будет передан завтра.

– Есть, капитан.

Капитан Блэк выглянул в иллюминатор; глядя на его лицо, никто не дал бы ему восьмидесяти лет – от силы сорок.

– Теперь слушайте, Люстиг. Вы, я и Хинкстон пойдем и осмотрим город. Остальным ждать в ракете. Если что случится, они успеют унести ноги. Лучше потерять троих, чем погубить весь корабль. В случае несчастья наш экипаж сумеет оповестить следующую ракету. Ее поведет капитан Уайлдер в конце декабря, если не ошибаюсь. Если на Марсе есть какие-то враждебные силы, новая экспедиция должна быть хорошо вооружена.

– Но ведь и мы вооружены. Целый арсенал с собой.

– Ладно, передайте людям – привести оружие в готовность. Пошли, Люстиг, пошли, Хинкстон.

И три космонавта спустились через отсеки корабля вниз.

Был чудесный весенний день. На цветущей яблоне щебетала неутомимая малиновка. Облака белых лепестков сыпались вниз, когда ветер касался зеленых ветвей, далеко вокруг разносилось нежное благоухание. Где-то в городке кто-то играл на пианино, и музыка плыла в воздухе – громче, тише, громче, тише, нежная, баюкающая. Играли «Прекрасного мечтателя». А в другой стороне граммофон сипло, невнятно гнусавил «Странствие в сумерках» в исполнении Гарри Лодера.

Трое космонавтов стояли подле ракеты. Они жадно хватали ртом сильно разреженный воздух, потом медленно пошли, сберегая силы.

Теперь звучала другая пластинка.

Мне бы июньскую ночь,
Лунную ночь – и тебя...

У Люстига задрожали колени, у Сэмюэля Хинкстона тоже.

Небо было прозрачное и спокойное, где-то на дне оврага, под прохладным навесом листвы, журчал ручей. Цокали конские копыта, гроыхала, подпрыгивая, телега.

– Капитан, – сказал Сэмюэль Хинкстон, – как хотите, но похоже – нет, *иначе* просто быть *не может*, – полеты на Марс начались еще до Первой мировой войны!

– Нет.

– Но как еще объясните вы эти дома, этого чугунного оленя, пианино, музыку? – Хинкстон настойчиво стиснул локоть капитана, посмотрел ему в лицо. – Представьте себе, что были, ну, скажем, в тысяча девятьсот пятом году люди, которые ненавидели войну, и они тайно сговорились с учеными, построили ракету и перебрались сюда, на Марс...

– Невозможно, Хинкстон.

– Почему? В тысяча девятьсот пятом году мир был совсем иной, тогда было гораздо легче сохранить это в секрете.

– Только не такую сложную штуку, как ракета! Нет, нет...

– Они прилетели сюда насовсем и, естественно, построили такие же дома, как на Земле, ведь они привезли с собой земную культуру.

– И все эти годы жили здесь? – спросил командир.

– Вот именно, тихо и мирно жили. Возможно, они еще не раз слетали на Землю, привезли сюда людей, сколько нужно, скажем, чтобы заселить вот такой городок, а потом прекратили полеты, чтобы их не обнаружили. Поэтому и город такой старомодный. Лично мне пока не попался на глаза ни один предмет, сделанный позже тысяча девятьсот двадцать седьмого года. А вам, капитан? Впрочем, может, космические путешествия вообще начались гораздо раньше, чем мы полагаем? Еще сотни лет назад, в каком-нибудь отдаленном уголке Земли? Что, если люди давно уже прилетели на Марс и никто об этом не знал? А сами они изредка наведывались на Землю.

– У вас это звучит почти правдоподобно.

– Не почти, а вполне! Доказательство перед нами. Остается только найти здесь людей, и наше предположение подтвердится.

Густая зеленая трава поглощала звуки их шагов. Пахло свежескошенным сеном. Капитан Джон Блэк ощутил, как вопреки его воле им овладевает чувство блаженного покоя. Лет тридцать прошло с тех пор, как он последний раз побывал вот в таком маленьком городке; жужжание весенних пчел умиротворяло и убаюкивало его, а свежесть возрожденной природы исцеляла душу.

Они ступили на террасу, направляясь к затянутой сеткой двери, и глухое эхо отзывалось из-под половиц на каждый шаг. Сквозь сетку они видели перегородившую коридор бисерную портьеру, хрустальную люстру и картину кисти Максфилда Пэрриша на стене над глубоким креслом. В доме бесконечно уютно пахло стариной, чердаком, еще чем-то. Слышно было, как тихо звякал лед в кувшине с лимонадом. На кухне в другом конце дома по случаю жаркого дня кто-то готовил холодный ленч. Высокий женский голос тихо и нежно напевал что-то.

Капитан Джон Блэк потянул за ручку звонка.

Вдоль коридора прошелестели легкие шаги, и за сеткой появилась женщина лет сорока, с приветливым лицом, одетая так, как, наверно, одевались в году эдак тысяча девятьсот девятом.

– Чем могу быть полезна? – спросила она.

– Прошу прощения, – нерешительно начал капитан Блэк, – но мы ищем... то есть, может, вы...

Он запнулся. Она глядела на него темными недоумевающими глазами.

– Если вы что-нибудь продаете... – заговорила женщина.

– Нет, нет, постойте! – вскричал он. – Какой это город?

Она смерила его взглядом.

– Что вы хотите этим сказать: какой город? Как это можно быть в городе и не знать его названия?

У капитана было такое лицо, словно ему больше всего хотелось пойти и сесть под тенистой яблоней.

– Мы не здешние. Нам надо знать, как здесь очутился этот город и как вы сюда попали.

– Вы из бюро переписи населения?

– Нет.

– Каждому известно, – продолжала она, – что город построен в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году. Постойте, может быть, вы меня разыгрываете?

– Что вы, ничего подобного! – поспешно воскликнул капитан. – Мы с Земли.

– Вы хотите сказать, *из-под* земли? – удивилась она.

– Да нет же, мы вылетели с третьей планеты, Земли, на космическом корабле. И прилетели сюда, на четвертую планету, на Марс...

– Вы находитесь, – объяснила женщина тоном, каким говорят с ребенком, – в Грин-Блафф, штат Иллинойс, на материке, который называется Америка и омывается двумя океанами – Атлантическим и Тихим, в мире, именуемом также Землей. Теперь ступайте. До свидания.

И она засемила по коридору, на ходу раздвигая бисерную портьеру.

Три товарища переглянулись.

– Высадим дверь, – предложил Люстиг.

– Нельзя. Частная собственность. О господи!

Они спустились с крыльца и сели на нижней ступеньке.

– Вам не приходило в голову, Хинкстон, что мы каким-то образом сбились с пути и просто-напросто прилетели обратно, вернулись на Землю?

– Это как же так?

– Не знаю, не знаю. Господи, дайте собраться с мыслями.

– Ведь мы контролировали каждую милю пути, – продолжал Хинкстон. – Наши хронометры точно отсчитывали, сколько пройдено. Мы миновали Луну, вышли в Большой космос и прилетели сюда. У меня нет *ни малейшего сомнения*, что мы на Марсе.

Вмешался Люстиг:

– А может быть, что-то случилось с пространством, с временем? Представьте себе, что мы заблудились в четырех измерениях и вернулись на Землю лет тридцать или сорок тому назад?

– Да бросьте вы, Люстиг!

Люстиг подошел к двери, дернул звонок и крикнул в сумрачную прохладу комнат:

– Какой сейчас год?

– Тысяча девятьсот двадцать шестой, какой же еще, – ответила женщина, сидя в качалке и потягивая свой лимонад.

– Ну, слышали? – Люстиг круто обернулся. – Тысяча девятьсот двадцать шестой! Мы улетели в *прошлое*! Это Земля!

Люстиг сел. Они уже не сопротивлялись ужасной, ошеломляющей мысли, которая пронизала их. Лежащие на коленях руки судорожно дергались.

– Разве я за этим летел? – заговорил капитан. – Мне страшно, понимаете, страшно! Неужели такое возможно в действительности? Эйнштейна сюда бы сейчас...

– Кто в этом городе поверит нам? – отозвался Хинкстон. – Ох, в опасную игру мы ввязались!.. Это же *время*, четвертое измерение. Не лучше ли нам вернуться на ракету и лететь домой, а?

– Нет. Сначала заглянем хотя бы еще в один дом.

Они миновали три дома и остановились перед маленьким белым коттеджем, который приютился под могучим дубом.

– Я привык во всем добираться до смысла, – сказал командир. – А пока что, сдается мне, мы еще не раскусили орешек. Допустим, Хинкстон, верно ваше предположение, что космические путешествия начались давным-давно. И через много лет прилетевшие сюда земляне стали тосковать по Земле. Сперва эта тоска не выходила за рамки легкого невроза, потом развился настоящий психоз, который грозил перейти в безумие. Что вы как психиатр предложили бы в таком случае?

Хинкстон задумался.

– Что ж, наверно, я бы стал понемногу перестраивать марсианскую цивилизацию так, чтобы она с каждым днем все больше напоминала земную. Если бы существовал способ воссоздать земные растения, дороги, озера, даже океан, я бы это сделал. Затем средствами массового гипноза я внушил бы всему населению вот такого городка, будто здесь и в самом деле *Земля*, а никакой не Марс.

– Отлично, Хинкстон. Мне кажется, мы попали на верный след. Женщина, которую мы видели в том доме, просто думает, что живет на Земле, вот и все. Это сохраняет ей рассудок. Она и все прочие жители этого города – объекты величайшего миграционного и гипнотического эксперимента, какой вам когда-либо придется наблюдать.

– В самую точку, капитан! – воскликнул Люстиг.

– Без промаха! – добавил Хинкстон.

– Добро. – Капитан вздохнул. – Дело как будто прояснилось, и на душе легче. Хоть какая-то логика появилась. А то от всей этой болтовни о путешествиях взад и вперед во времени меня только мутит. Если же мое предположение *правильно*... – Он улынулся. – Что же, тогда нас, похоже, ожидает немалая популярность среди местных жителей!

– Вы уверены? – сказал Люстиг. – Как-никак, эти люди своего рода пилигримы, они намеренно покинули Землю. Может, они вовсе не будут нам рады. Может, даже попытаются изгнать нас, а то и убить.

– Наше оружие получше. Ну пошли, зайдем в следующий дом.

Но не успели они пересечь газон, как Люстиг вдруг замер на месте, устремив взгляд в дальний конец тихой дремлющей улицы.

– Капитан, – произнес он.

– В чем дело, Люстиг?

– *Капитан*... Нет, вы только... *Что я вижу!*

По щекам Люстига катились слезы. Растопыренные пальцы поднятых рук дрожали, лицо выражало удивление, радость, сомнение. Казалось, еще немного, и он потеряет разум от счастья. Продолжая глядеть в ту же точку, он вдруг сорвался с места и побежал, споткнулся, упал, поднялся на ноги и опять побежал, крича:

– Эй, послушайте!

– Остановите его! – Капитан пустился вдогонку.

Люстиг бежал изо всех сил, крича на бегу. Достигнув середины тенистой улицы, он свернул во двор и одним прыжком очутился на террасе большого зеленого дома, крышу которого венчал железный петух. Когда Хинкстон и капитан догнали Люстига, он барабанил в дверь, продолжая громко кричать. Все трое дышали тяжело, со свистом, обессиленные бешеной гонкой в разреженной марсианской атмосфере.

– Бабушка, дедушка! – звал Люстиг.

Двое стариков появились на пороге.

– Дэвид! – ахнули старческие голоса. И они бросились к нему и засуетились вокруг него, обнимая, хлопая по спине. – Дэвид, о Дэвид, сколько лет прошло!.. Как же ты вырос, мальчуган, какой большой стал! Дэвид, мальчик, как ты поживаешь?

– Бабушка, дедушка! – всхлипывал Дэвид Люстиг. – Вы чудесно, чудесно выглядите!

Он разглядывал своих стариков, отодвинув от себя, вертел их кругом, целовал, обнимал, плакал и снова разглядывал, смахивая слезы с глаз. Солнце сияло в небе, дул ветерок, зеленела трава, дверь была открыта настежь.

– Входи же, входи, мальчуган. Тебя ждет чай со льдом, свежий, пей вволю!

– Я с друзьями. – Люстиг обернулся и, смеясь, нетерпеливым жестом подозвал капитана и Хинкстона. – Капитан, идите же.

– Здравствуйте, – приветствовали их старики. – Пожалуйста, входите. Друзья Дэвида – наши друзья. Не стесняйтесь!

В гостиной старого дома было прохладно; в одном углу размеренно тикали, поблескивая бронзой, высокие стоячие часы. Мягкие подушки на широких кушетках, книги вдоль стен, толстый ковер с пышным цветочным узором, а в руках – запотевшие стаканы ледяного чая, от которого такой приятный холодок на пересохшем языке.

- Пейте на здоровье. – Бабушкин стакан звякнул о ее фарфоровые зубы.
- И давно вы здесь живете, бабушка? – спросил Люстиг.
- С тех пор как умерли, – с ехидцей ответила она.
- С тех пор как... что? – Капитан Блэк поставил свой стакан.
- Ну да, – кивнул Люстиг. – Они уже тридцать лет как умерли.
- А вы сидите как ни в чем не бывало! – воскликнул капитан.
- Полно! – Старушка лукаво подмигнула. – Кто вы такой, чтобы судить о таких делах?

Мы здесь, и все тут. Что такое жизнь, коли на то пошло? Кому нужны эти «почему» и «зачем»? Мы снова живы, вот и все, что нам известно, и никаких вопросов мы не задаем. Если хотите, это вторая попытка. – Она, ковыляя, подошла к капитану и протянула ему свою тонкую, сухую руку. – Потрогайте.

Капитан потрогал.

– Ну как, настоящая?

Он кивнул.

– Так чего же вам еще надо? – торжествуя произнесла она. – К чему вопросы?

– Понимаете, – ответил капитан, – мы просто не представляли себе, что обнаружим на Марсе такое.

– А теперь обнаружили. Смею думать, на каждой планете найдется немало такого, что покажет вам, сколь неисповедимы пути Господни.

– Так что же, здесь – Царство небесное? – спросил Хинкстон.

– Вздор, ничего подобного. Здесь такой же мир, и нам предоставлена вторая попытка. Почему? Об этом нам никто не сказал. Но ведь и на Земле никто не объяснил нам, почему мы там очутились. На той Земле. С которой прилетели вы. И откуда нам знать, что *до* нее не было *еще одной*?

– Хороший вопрос, – сказал капитан.

С лица Люстига не сходила радостная улыбка.

– Черт возьми, до чего же приятно вас видеть, я так рад!

Капитан поднялся со стула и небрежно хлопнул себя ладонью по бедру.

– Ну, нам пора идти. Спасибо за угощение.

– Но вы ведь еще придете? – всполошились старики. – Мы ждем вас к ужину.

– Большое спасибо, постараемся прийти. У нас столько дел. Мои люди ждут меня в ракете

и...

Он смолк, ошеломленно глядя на открытую дверь.

Откуда-то издали, из пронизанного солнцем простора, доносились голоса, крики, дружные приветственные возгласы.

– Что это? – спросил Хинкстон.

– Сейчас узнаем. – И капитан Джон Блэк мигом выскочил за дверь и побежал через зеленый газон на улицу марсианского городка.

Он застыл, глядя на ракету. Все люки были открыты, и экипаж торопливо спускался на землю, приветственно махая руками. Кругом собралась огромная толпа, и космонавты влились в нее, смешались с ней, проталкивались через нее, разговаривая, смеясь, пожимая руки. Толпа приплясывала от радости, возбужденно теснилась вокруг землян. Ракета стояла покинутая, пустая.

В солнечных лучах взорвался блеском духовой оркестр, из высоко поднятых басов и труб брызнули ликующие звуки. Бухали барабаны, пронзительно свистели флейты. Золотоволосые девочки прыгали от восторга. Мальчуганы кричали: «Ура!» Толстые мужчины угощали знакомых и незнакомых десятицентовыми сигарами. Мэр города произнес речь. А затем всех членов экипажа одного за другим подхватили под руки – мать с одной стороны, отец или сестра с другой – и увлекли вдоль по улице в маленькие коттеджи и в большие особняки.

– Стой! – закричал капитан Блэк.

Одна за другой наглухо захлопнулись двери.

Зной струился вверх к прозрачному весеннему небу, тишина нависла над городком. Трубы и барабаны исчезли за углом. Покинутая ракета одиноко сверкала и переливалась солнечными бликами.

– Дезертиры! – воскликнул командир. – Они самовольно оставили корабль! Клянусь, им это так не пройдет! У них был приказ!..

– Капитан, – сказал Люстиг, – не будьте излишне строги. Когда вас встречают родные и близкие...

– Это не оправдание!

– Но вы представьте себе их чувства, когда они увидели возле корабля знакомые лица!

– У них был приказ, черт возьми!

– А как бы вы поступили, капитан?

– Я бы выполнял прика... – Он так и замер с открытым ртом.

По тротуару в лучах марсианского солнца шел, приближаясь к ним, высокий, улыбающийся молодой человек лет двадцати шести с удивительно яркими голубыми глазами.

– Джон! – крикнул он и бросился к ним.

– Что? – Капитан Блэк попятился.

– Джон, старый плут!

Подбежав, мужчина стиснул руку капитана и хлопнул его по спине.

– Ты?.. – пролепетал Блэк.

– Конечно я, *кто* же еще!

– Эдвард! – Капитан повернулся к Люстигу и Хинкстону, не выпуская руки незнакомца. – Это мой брат, Эдвард. Эд, познакомься с моими товарищами: Люстиг, Хинкстон! Мой брат!

Они тянули, теребили друг друга за руки, потом обнялись.

– Эд!

– Джон, бездельник!

– Ты великолепно выглядишь, Эд! Но постой, *как* же так? Ты ничуть не изменился за все эти годы. Ведь тебе... тебе же было двадцать шесть, когда ты умер, а мне девятнадцать. Бог ты мой, столько лет, столько лет – и вдруг ты здесь. Да что ж это такое?

– Мама ждет, – сказал Эдвард Блэк, улыбаясь.

– Мама?

– И отец тоже.

– Отец? – Капитан пошатнулся, точно от сильного удара, и сделал шаг-другой негнушиться, непослушными ногами. – Мать и отец живы? Где они?

– В нашем старом доме, на Дубовой улице.

– В старом доме... – Глаза капитана светились восторгом и изумлением. – Вы слышали, Люстиг, Хинкстон?

Но Хинкстона уже не было рядом с ними. Он заметил в дальнем конце улицы свой собственный дом и поспешил туда. Люстиг рассмеялся:

– Теперь вы поняли, капитан, что было с нашими людьми? Их никак нельзя винить.

– Да... Да... – Капитан зажмурился. – Сейчас я открою глаза, и тебя не будет. – Он моргнул. – Ты здесь! Господи! Эд, ты *великолепно* выглядишь!

– Идем, ленч ждет. Я предупредил маму.

– Капитан, – сказал Люстиг, – если я понадоблюсь, я – у своих стариков.

– Что? А, ну конечно, Люстиг. Пока.

Эдвард потянул брата за руку, увлекая его за собой.

– Вот и наш дом. Вспоминаешь?

– Еще бы! Спорим, я первый добегу до крыльца!

Они побежали взапуски. Шумели деревья над головой капитана Блэка, гудела земля под его ногами. В этом поразительном сне наяву он видел, как его обгоняет Эдвард Блэк, видел, как стремительно приближается его родной дом и широко распахивается дверь.

– Я – первый! – крикнул Эдвард.

– Еще бы, – еле выдохнул капитан, – я старик, а ты вон какой молодец. Да ты ведь меня *всегда* обгонял! Думаешь, я забыл?

В дверях была мама – полная, розовая, сияющая. За ней, с заметной проседью в волосах, стоял папа, держа в руке свою трубку.

– Мама, отец!

Он ринулся к ним вверх по ступенькам, точно ребенок.

День был чудесный и долгий. После ленча они перешли в гостиную, и он рассказал им все про свою ракету, а они кивали и улыбались ему, и мама была совсем такая, как прежде, и отец откусывал кончик сигары и задумчиво прикуривал ее – совсем как в былые времена. Вечером был обед, умопомрачительная индейка, и время летело незаметно. И когда хрупкие косточки были начисто обсосаны и грудой лежали на тарелках, капитан откинулся на спинку стула и шумно выдохнул воздух в знак своего глубочайшего удовлетворения. Вечер упокоил листву деревьев и окрасил небо, и лампы в милом старом доме засветились ореолами розового света. Из других домов вдоль всей улицы доносились музыка, звуки пианино, хлопанье дверей.

Мама поставила пластинку на виктролу и закружилась в танце с капитаном Джоном Блэком. От нее пахло теми же духами, он их запомнил еще с того лета, когда она и папа погибли при крушении поезда. Но сейчас они легко скользили в танце, и его руки обнимали реальную, живую маму...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.